

Типология синтаксических конструкций языка как реализация его стилистических потенций

ЗАМИР К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

Долгое время считалось и считается поныне, что стиль, стилистическая дифференциация, согласованность с употреблением – это свойство лишь литературных языков. Более того, имея в виду сущностную характеристику последних, ссылались именно на указанное свойство, которое нередко признавалось достаточным само по себе для отграничения их от других, нелитературных, разновидностей языка. Вполне отчетливо такое понимание проблемы обнаруживается также в глубоких и изящных по форме пражских теориях литературного языка, ср. например: „Новая теория рассматривала литературный язык с его сложной стилистической структурой как образование полифункциональные, отличающееся в этом отношении от народного языка, который является по своей сущности монофункциональным и служит лишь целям взаимопонимания” (Едличка 1967: 547).

Само по себе верное (ибо литературные языки безусловно являются стилистически расслоенными), это положение, сформулированное на основании изучения исключительно литературных памятников, как бы ставит под сомнение, если не отрицает полностью, стилистическую неоднородность, например, народного языка. Между тем, стоит обратиться к стилистическому анализу того типа народного языка, который представлен в устнопоэтическом творчестве, как выясняется, что стилистическая упорядоченность, известная взаимная стилистическая противопоставленность – один из важнейших принципов организации разножанровых устно-

поэтических текстов (Тарланов 1977, 1981). В сущности, аналогично обстоит дело в народном языке в целом. Это естественно, ибо потенциальную разнофункциональность уже предполагает коммуникативная природа языка, воплощающего в себе этнический опыт существования и познавательной деятельности.

Стилистическое значение, конкретная стилистическая отмеченность языкового факта – это не то, что приобретается им в соответствующем контекстном окружении, а то, что им реализуется, будучи перемещенным из плана потенциального в план реальный. Если бы было иначе, если бы стилистическая ценность языковых фактов сводилась лишь к их включенности в соответствующие речевые или контекстные ситуации, тогда необъяснимой оказалась бы стилистическая маркированность гетерогенных языковых средств: коннотации соотносились бы исключительно с речевыми или контекстными ситуациями. Стилистическое значение всецело объяснялось бы значением ситуационным, что означало бы в свою очередь стилистическую отрешенность собственно языковых фактов, их абсолютную индифферентность по отношению к стилистике в парадигматическом аспекте. Однако в действительности дело обстоит по-другому: строя речь, мы отбираем именно такие языковые средства, которые согласовывались бы не только со степенью значимости темы (а подобная дифференциация известна и языкам, далеким от литературных канонов, ср. напр. темы жизни и смерти), но и с ситуацией, контекстом, куда речь должна включаться органически.

При всем том, что в создании стиля участвуют не только языковые факторы, но и факторы, достаточно далеко отстоящие от языка, обычно именуемые экстралингвистическими, совершенно очевидно, что языковой стиль организуется прежде всего и исключительно средствами самого же языка. Поэтому стиль выступает свойством текста постольку, поскольку сам текст складывается из языковых средств (ср. Кожина 1992: 40). Именно это обстоятельство проливает свет на то, почему разные языки, стилистически по-разному представляют одни и те же ситуации. Одинаковость жизненных ситуаций, подлежащих передаче средствами языка, вовсе не предопределяет тождества реализующих их систем стилистики. Стилистика языка автономна и не зависит от речевых ситуаций.

То, что в речи воспринимается как производное от речевой ситуации (конситуации), в действительности представляет собою соотношенность между мобилизованными в речи стилистическими средствами, с одной

стороны, и соответствующей жизненной ситуацией – с другой. При этом языковое и внеязыковое сочетаются друг с другом либо гармонично, либо дисгармонично (с разной степенью дисгармоничности), тем самым участвуя в создании того, что называется стилем, функционирующим типом жизни. Стиль жизни (духовной, академической, профессиональной, артистической, производственно-рабочей, крестьянской, чиновничьей, молодежно-школьной, молодежно-студенческой, панибратски-уличной, свободной, скованной и т. д. и т. п.) в качестве важного составляющего включает в себя и стиль языка (манеру речевого поведения действующих лиц жизни), играющий свою, специфическую роль в структуре целого. Роль эта уникальна и ничем не заменима. Она не исчерпывается вербальным представлением стиля жизни, но закрепляет его как грань этнического существования, тем самым превращая в звено этно-культурной памяти.

Из сказанного следует, что стиль языка, довольно часто и вполне справедливо определяемый как функционально соотносенная система средств выражения, не в меньшей степени может быть характеризуем и как совокупность потенциальных заданностей языка, которые, реализуясь, не просто безразлично фиксируют жизнь, но позволяют видеть ее, смотреть на нее с определенной точки зрения. Фердинанд де Соссюр, разъясняя противоречивые взаимоотношения между означающим, с одной стороны, означаемым и языковым коллективом – с другой, писал: „Языку как бы говорят: «Выбирай!», но тут же добавляют: «...вот этот знак, а не другой!» Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть” (Соссюр 1977: 104).

Из остроумного комментария Соссюра вытекает и тот вывод, что естественный язык не может не быть этнически окрашенным, детерминированным. Знакомство каждого вновь вступающего в жизнь с этой жизнью неотвратимо опосредовано языком коллектива, куда он входит, включается в качестве его члена. Следовательно, язык предписывает каждому, кто им пользуется: „Ты свободен в восприятии окружающего мира. Но свобода твоя – это твой язык, в котором этот мир зафиксирован”. Насколько полно, разнообразно, гибко в языке воплощается, выражается окружающая человека жизнь, не в последнюю очередь зависит и от языка, его структуры, выразительных возможностей и стилистических потенций.

Стилистические и вообще выразительные потенции разных языков и разных уровней одного и того же языка самобытны и чрезвычайно разнообразны. Эти потенции и есть тот невидимый, за кадром остающийся источник, который обеспечивает и питает мозаику реализованной стилистической картины языка. В этом отношении весьма показательна типология простого предложения в современном русском языке в качестве одного из важнейших составляющих его стилистической базы.

Обратимся для начала к знаменитому стихотворению А. Фета *Шепот, робкое дыханье...*:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

(Фет 1979: 335).

Наиболее ярко бросающаяся в глаза синтаксическая особенность приведенного текста состоит в том, что он абсолютно лишен глагольных слов. Но при этом, как это ни парадоксально, отсутствие их не только не ощущается, но оно единственно и позволяет создать ту поэтически-стилистическую картину, которую несет нам стихотворение: легкость, граничащую с воздушностью, удивительную полноту и конкретность описания при преобладании слов абстрактной семантики, пространственную и временную перспективу, преодолевающую поэтическую статику. Статика, статичность описания зиждется на цепочке номинативных конструкций, с помощью которых как бы акварельными мазками создается картина слуховых и зрительных полутонов. Хотя весь текст состоит из однотипных синтаксических структур, нет впечатления монотонной навязчивости и однообразия. Эффект динамичности строится на разрешающей функции,

которой наделен постпозитивный субстантивный атрибут, завершающий каждый раз поэтическую фразу.

В интересующем нас аспекте примечательно также следующее стихотворение А. К. Толстого:

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды –
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобою,
На лик твой глядя милый, –
То было раннею весной
В тени берез то было!

То было в утро наших лет –
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

(Толстой 1980: 124).

В стихотворении, посвященном утру жизни – юности лирического героя, естественно, доминирует план прошлого, представленный исключительно формами глаголов прошедшего времени. Однако на общем фоне заметно выделяются четвертое и шестое четверостишия, свободные от глагольных форм соответственно наполовину и на три четверти. В них глагольные и все иные предопределяемые ими синтаксические позиции замещены поэтическими вокативами-восклицаниями, которые эмоционально сгу-

щают лирическое повествование и одновременно переводят его в план обобщенного времени, близкого к панхронии. Словом, вокативные конструкции (вокативные предложения), помимо обычной для них поэтической функции, выполняют в стихотворении также функцию средства, инструмента обобщения повествования.

Таким образом, номинативные и вокативные предложения, являясь своеобразными и самостоятельными конструктивными типами предложений в современном русском литературном языке, связанными с настоящим временем и служащим для живописания или непосредственного обращения, будучи включенными в соответствующие контексты, реализуют такие потенции, которые как бы противоречат их актуальному синтаксическому статусу: конструкции конкретного чувственного восприятия принимают на себя функции катализатора обобщения.

Рассмотренные конструкции безглагольны и вопреки А. А. Потебне (Потебня 1889: 77-80) не требуют глагольных форм. Если попытаться представить простые предложения в современном русском языке как ряд с убывающим признаком глагольности, без которой в абсолютном большинстве языков, как известно, предложение вообще невысказуемо, то приведенные выше займут место в начале этого ряда: они абсолютно субстантивны и абсолютно безглагольны. Полярно противоположны им безличные предложения типа *Смеркается*, абсолютно глагольные и полностью лишённые субстанциональности: они реализуют признак, оторванный от субстанции, как самоценность.

На односоставные предложения, по терминологии А. А. Шахматова (Шахматов 1941: 29-32), приходятся крайние позиции в реестре синтаксических типов простых предложений в современном русском языке с точки зрения участия в них основополагающих в конструктивном плане классов слов – имени существительного и глагола. Между упомянутыми полярными позициями располагается большое разнообразие предложений, тяготеющих к той или иной стороне либо поддерживающих равновесие между ними. В любом случае каждый тип, по соответствующему признаку противопоставляясь другим, актуализирует лишь ему свойственную коннотацию. При этом различия конструктивного плана, наиболее кардинальным из которых считается отнесенность синтаксической конструкции к односоставному или двусоставному предложению, как бы отступают на вторые роли: связь между составом предложения и возможными сферами употребления не является однозначно-обязательной. Да и преграда, разде-

ляющая сами упомянутые типы по составу, на проверку оказывается не столь не преодолимой. Ср., напр., синтаксис первых двух строк в четверостишии А. К. Толстого:

Тучи черные нависли –
Пусть их виснут – черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

(Толстой 1980: 120).

Первый стих представляет собою двусоставное согласованное глагольное предложение, в котором признак, обозначенный глаголом, приписывается предмету в именительном падеже в роли грамматического субъекта. Субъект и предикат соотносительны и как бы уравниваются друг друга в структуре целого. Второй стих демонстрирует уже шаг к асимметричной конструкции: при наличии предиката, оформленного таким образом, как если бы он соотносился с подлежащим, самого этого подлежащего нет. Налицо лишь признаки согласования в числе с местоимением *их*, которое, по смыслу оставаясь подлежащим, грамматически им не является. Подлежащее как бы свертывается и переводится на ступень ниже в иерархии синтаксических ценностей, трансформируя его в объектный компонент. В то же время предикат продолжает характеризовать не просто отсутствующее, но даже практически не предполагаемое подлежащее.

Следующим шагом, ведущим к укреплению асимметрии составов предложения за счет абсолютизации предиката должно быть употребление его в ед. числе, что переводит высказывание в целом в разряд безличных (бессубъектных) предложений, ср.: Пусть они виснут – черта с два! → Пусть их виснут – черта с два! → Пусть их виснет – черта с два! – Все три ступени, наглядно представляя динамическую статику как живой синтаксический процесс в современном русском языке, не просто иллюстрируют действующую в нем глобальную синтаксическую тенденцию, но и показывают вместе с тем широкие его стилистические возможности.

По способам и степени формализованного представления субъекта и предиката как составляющих синтаксического центра предложения, а также их эквивалентов в иных типах структур русское предложение обнаруживает большое типологическое разнообразие. Если исходить из того, что грамматические субъект и предикат типизированно выражаются соответственно существительным и глаголом, то оказывается, что разные типы

предложений отличаются друг от друга в конечном счете степенью участия в структуре целого именного, глагольного компонентов или того и другого вместе взятых. Одностороннее преобладание именных компонентов дает односоставные номинативные предложения; одностороннее преобладание глагольных компонентов конституирует глагольные предложения; равномерно представленными именными и глагольными компонентами характеризуются двусоставные предложения классического типа, в которых признак грамматического субъекта в им. падеже выражается согласующимся с ним глагольным предикатом. Генетически первичен последний тип, первые два – вторичны. Между указанными типами располагается несколько десятков структур, в разной степени удаленных от базисных. Ограничусь лишь одной иллюстрацией:

- 1) Я люблю лето;
- 2) Люблю тебя, лето;
- 3) У нас любят лето;
- 4) Любишь кататься, люби и саночки возить;
- 5) Стерпится – слюбится.

Приведенный ряд конструкций демонстрирует последовательность шагов, с одной стороны, в направлении планомерного и постепенного исключения из высказывания субъекта как носителя признака и подчеркивания самоценности, имманентности признака-предиката как такового, с другой стороны – модифицирует признак с точки зрения его соотносительности с конкретными лицом и временем, создавая тем самым широкий диапазон по шкале „локализованность – обобщенность признака”. Складываясь исторически, эти конструкции в синхронии образуют материально-синтаксическую парадигму, на которой строятся богатейшие стилистические возможности русского языка. Если под таким углом зрения рассмотреть весь арсенал синтаксических конструкций языка, можно получить объективную картину его этно-стилистических потенций, не зависящих от тех или иных текстов, но вместе с тем являющихся ключом к созданию всевозможных стилистических вариаций. Из этого опять-таки следует, что стиль не столько произведен от текста, сколько проявляется в тексте, конституируя его.

Стилистические возможности разных языков так же самобытны, как самобытны их строй и грамматические ресурсы.

Если верно неоднократно выдвигавшееся в лингвистической литературе положение о языке как универсальном выразителе народного духа – а

в опровержение этой идеи убедительных аргументов, на наш взгляд, не предлагалось, — то стилистические потенции русского синтаксиса можно интерпретировать и в аспекте этнопсихологии, этносоциологии.

Судя по синтаксису, абсолютизирующему и субстанцию, и изолированный признак субстанции, представляемый в качестве самодовлеющего феномена, и их сочетание, реализующееся в виде единства взаимно обуславливающих друг друга компонентов (ср. некоторые двусоставные предложения со спрягаемыми формами глагола, инфинитивные предложения), а также процесса их дистанционирования (ср. разные типы несогласованных предложений, по терминологии Шахматова), русский менталитет может быть охарактеризован как одинаково открытый, предрасположенный и для созерцательности, и для мифотворчества, и для тонкого анализа всего сущего, и для глубоких философских обобщений, и для выражения как величия человека, так и его незначительности, беспомощности перед обстоятельствами, и для рефлексирования, возведенного в культ, и для эстетизации фатализма, и для изображения всего, что человека окружает, в покое и движении, гармонии или дисгармонии. Тем самым оказывается, что, по данным языка, русский менталитет противоречив, но противоречивость эта, по тем же данным, диалектична. И это обстоятельство нашло свое прекрасное воплощение в крупнейших памятниках русской словесно-художественной культуры, начиная с фольклора и кончая великими произведениями русской литературы, в особенности XIX-XX вв. (ср. творчество Карамзина, Пушкина, Тургенева, Гончарова, Л. Н. Толстого, Достоевского, Чехова, Фета, Тютчева, Маяковского, Горького, А. Платонова в их противоположении, в совокупности раскрывающем глубины народного духа).

Огромное разнообразие синтаксических конструкций русского языка в силу роли последнего в выработке этнического мировосприятия и мировоззрения вполне дает основание увидеть в самом этом факте проявление открытости как важнейшего свойства менталитета народа-носителя языка. В свою очередь открытость — главное условие, обеспечивающее лояльность по отношению к иноэтническим культурным влияниям, в том числе и языковым. Вместе с тем она же стимулирует и пассивность в сопротивлении даже чуждым влияниям. Культура, характеризующаяся открытостью и вследствие этого хрупкостью, не может не нуждаться в поддержке и защите со стороны общества.

С точки зрения развития именного строя (субстанционального начала) русский язык нового времени далеко опередил, может быть, все языки индоевропейской семьи и в этом отношении типологически заметно сближился с таким языком, как арабский, в синтаксисе которого так же значительна роль именных (безглагольных) конструкций.

Смысл предлагаемых соображений сводится не к тому, чтобы подвергнуть сомнению тот очевидный факт, что стиль реализуется в тексте. Речь идет лишь о том, что стиль, выявляемый в тексте и через текст, — это не столько то, что создается в самом тексте, сколько то, что актуализируется в тексте в соответствии с этнически детерминированными потенциями языка как глубинного и универсального воплощения народного духа. Изучение функционирования языка в интересах стилистики, оторванное от глубокого проникновения в его структуру, едва ли приближает стилистику к цели (ср. Солганик 1991).

Литература

- Едличка А., 1967, *О пражской теории литературного языка*. — *Пражский лингвистический кружок*, Москва.
- Кожина М. Н., 1992, *Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте*, „Stylistyka” I.
- Потебня А. А., 1889, *Из записок по русской грамматике*, т. 1-2, Харьков.
- Солганик Г. Я., 1991, *О предмете и структуре русской стилистики*. — *Synteza w stylistyce słowiańskiej*, Opole.
- Сосюр Ф., 1977, *Труды по языкознанию*, Москва.
- Тарланов З. К., 1977, *К сравнительному изучению синтаксиса жанров русского фольклора*, „Филологические науки”, № 6.
- Тарланов З. К., 1981, *Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора*, Петрозаводск.
- Толстой А. К., 1980, *Собрание сочинений в 4-х томах*, т. 1., Москва.
- Фет А., 1979, *Шепот, робкое дыханье... Три века русской поэзии*, Москва.
- Шахматов А. А., 1941, *Синтаксис русского языка*, Ленинград.

The Typology of Language's Syntactic Structures as an Indication of the Realization of Its Potencies of Style

Style of a given text is not created in the text so much as actualized in it in agreement with the ethnically determined potencies of the language. Potencies of style of particular languages and various subsystems (levels) of one language are specific and very manifold. The author illustrates this thesis, presenting the typology of single sentence (simple clause) structures in the current Russian language.